

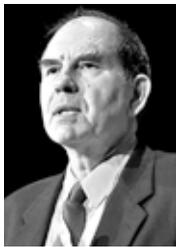
УДК 365.4; 711.582

DOI 10.25628/UNIIP.2023.56.1.003

САЛИНГАРОС Н. А.

Перевод Т. Ю. Быстровой

Правила для городского пространства: проектные паттерны создают человеческий масштаб (Часть 2)

**Салингарос
Никос
Ангелос**

профессор математики
и архитектуры,
Техасский университет
в Сан-Антонио,
Сан-Антонио, США

В первой части статьи, предваряемой аннотацией Н. Салингароса, был представлен ряд паттернов организации дружелюбного городского пространства. В данной, второй, части город рассмотрен как сетевое образование, качество организации и связей которого влияет на состояние человека, находящегося в нем. Особое внимание Н. Салингарос обращает на наличие разных масштабов и деталей, препятствующих информационной монотонности и минималистичности городской ткани. В тексте даны рекомендации по созданию дружелюбных городских сред и упоминания авторов, более подробно разрабатывающих эти вопросы.

Ключевые слова: пространство города, площади, проектные паттерны, человеческий масштаб, адаптируемость.

Salingaros N.A. Translated by T. Yu. Bystrova

Rules for Urban Spaces: Design Patterns Create the Human Scale. Part 2

In the first part of the article, preceded by an annotation by N. Salingaros, a number of patterns for organizing a friendly urban space were presented. In this second part, the city is considered as a network formation, the quality of organization and connections of which affects the human condition in it. N. Salingaros pays special attention to the presence of different scales and details that prevent the informational monotony and minimalism of the urban fabric. The text provides recommendations for creating friendly urban environments and mentions authors who develop these issues in more detail.

Keywords: Urban space, plazas, design patterns, human scale, adaptability.

**Быстрова
Татьяна
Юрьевна**

(перевод статьи)

доктор философских наук,
профессор, Уральский
федеральный университет
им. первого Президента
России Б. Н. Ельцина
(УрФУ),
Екатеринбург,
Российская Федерация

e-mail: taby27@yandex.ru

Сеть¹ создает вовлекающее городское пространство

Благополучное, используемое городское пространство² можно определить как огромную комнату за стенами дома, открытую небу (Alexander, 2005; Salingaros and Pagliardini, 2016). Открытое пространство нужно окружить психологически привлекательными фасадами, разрывами и складками архитектурной ткани, а также множеством закрепленных за ним активностей. Дружелюбное городское пространство как бы окутывает своих пользователей и возвращает им чувство психологической уверенности. Людей привлекают текстура, баланс тектонических объемов, композиция, цвет и декор фасадов зданий, окружающих это про-

странство (Lavdas, Salingaros and Sussman, 2021; Salingaros, 2005; Salingaros and Sussman, 2020).

Самое главное — оно открыто, а значит, роль зданий состоит в том, чтобы определять собой общественное пространство и усиливать его, а не наоборот. И все же внимание СМИ и общест-венности привлекают отдельно стоящие здания. Абстрактные «знаковые» проекты отрицают традиционные пользовательские паттерны, основанные на траекториях передвижения по городу, оставляя морфологию прилегающего/окружающего пространства на волю случая. Такой подход не учитывает, как работают живые города, в которых пользователи взаимодействуют с открытыми пространствами. Профессионалы отказались от традиционного пространственного вокабуляра, который долго успешно им служил, и приняли аморфную городскую геометрию в качестве новой проектной парадигмы (Buras, 2020; Millais, 2009). В будущем нужно отказаться от стандартных индустриально-модернистских типологий, негативно влияющих на нахождение в городах.

1 Слово «сеть» (network) используется здесь и далее в значении организационной структуры города, близко к русскому «сетка улиц».

2 В данном тексте формулировки «городское пространство», «публичное пространство» и «общественное пространство» употребляются Н. Салингаросом как синонимы.

Наблюдения за использованием городского пространства в течение определенного времени могут подтвердить его благополучие (Совет Европы, 2012; Efrogmson et al., 2009; Jalaladdini and Oktay, 2012). Соответствующие проектные паттерны следует применять при планировании новой пешеходной среды, а также для диагностики и исправления городских пространств, которые отталкивают пользователей, а не привлекают их (Neis, 2017; Salingaros, 2020b). Фасады современных индустриально-минималистских зданий не могут обеспечить пользователя ту степень дружжелюбной привлекательности, которая задержала бы их внутри создаваемого ими пространства. Сеть связанных городских пространств является, прежде всего, необходным условием жизни города — в смысле поощрения позитивной и разнообразной деятельности и взаимодействия людей (Mehaffy et al., 2020).

Новый шаблон 6.1: МЕСТО СЕТИ. При планировании здания, улицы или других частей среды представляйте их как часть «гобелена» мест — сети мест. Работайте над тем, чтобы артикулировать эти места как часть сплошной сети со многими связями и множеством точек модуляции связи, таких как двери, окна, ворота, живые изгороди, заборы и другие конструкции.

Если все сделано верно, новая площадь, встраиваемая в старый живой город, может питаться от существующих сетей. То, что встраивается в новый город, часто представляет собой мертвое пространство. Почему? Потому что пешеходные сети подталкивают городское пространство к работе (Salingaros, 2005; Salingaros and Pagliardini, 2016). Исторические площади-плазы обеспечили пешеходный «водосбор» — и это основная причина их успеха. Живые городские пространства определяют узлы в пешеходной сети, а транспортные сети должны дополнять (но не разрушать) каналы циркуляции. Любое новое здание, задуманное изолированно, как одиночный проект, не развивалось в этом контексте и, значит, не может удачно вписаться в существующие пешеходные потоки. Либо вокруг новой площади города просто не будет пешеходов.

Результатом органического роста становится узнаваемый сложный городской след (Salingaros, 2005; 2021). Организованная геометрическая сложность — следствие функционирования самоорганизующегося

города как сложной динамической системы, у которой фактически есть метаболизм (Peroni and Morgado, 2021). Сеть улиц живого города перемежается с общественными пространствами самых разных форм и размеров. Спонтанное поселение растет в соответствии с местными экономическими и социальными силами, выявляя свои «промежуточные» пространства (Salingaros, 2021). Неофициальные городские формы, свободные от исходящего сверху контроля, развиваются через самоорганизацию.

Урбанистическая практика по большей части недостаточно развита, чтобы специалисты осознали это; пока что диагностический инструмент обнаружения неправильной геометрии связан с тем, чтобы сразу же относиться с подозрением к любой городской планировке, упрощающей порядок города. Если очертаниям зданий и связующим схемам заметно не хватает фрактальности (распределения элементов взаимосвязанных размеров), району сильно недостает адаптивности, что говорит о проблеме его планировки. Неформальные спонтанные поселения — это лаборатория для изучения адаптации формы города в его эволюции. Там, где формально обученные планировщики видят только беспорядок в стихийной застройке, чуткие урбанисты распознают чудесную адаптацию к многочисленным потокам и силам.

Информационно-насыщенные фасады жизненно важны

Объекты вокруг городского пространства — их архитектура и расположение — основной фактор, определяющий его использование. Эта характеристика совершенно не зависит от планировки. Восприятие городской площади как гармоничного целого (среди прочих критериев) очень сильно зависит от конкретных информационных свойств фасадов, которые ее окружают. Упорядоченная сложность на фасаде здания создается путем мимикрии под правила структурирования форм жизни и, значит, выражает саму жизнь (Alexander, 2001–2005; Lavdas, Salingaros and Sussman, 2021; Mehaffy and Salingaros, 2021; Salingaros, 2005; 2015; 2018; 2019; 2020a; Salingaros and Sussman, 2020). Обратное гарантирует мертвящую среду.

Этому релевантны три новых шаблона проектирования (Mehaffy et al., 2020).

Новый шаблон 11.4: ФРЕЙМИНГ. Не пытайтесь очистить и упро-

стить проект, если вокруг него есть естественное обрамление — будь то растительность, часть другого здания, колонны или другие перебивки. Вместо этого работайте с такими элементами, как с фреймами, используйте их, чтобы усилить опыт³.

Новый паттерн 15.2: ДЕТАЛИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МАСШТАБЕ. Создайте множество элементов человеческого масштаба, т. е. 1 м на 2 м или меньше. Убедитесь, что многие из этих элементов представляют собой структуры, физически близкие людям, например, окна примерно человеческих пропорций, орнаменты ручной работы и т. д.

Новый шаблон 15.4: СЛОЖНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Избегайте больших пространств идеально плоских, гладких панелей из металла и стекла. Используйте сложные материалы с неявными структурными характеристиками, которые можно воспринять в масштабе человека.

Это основной посыл данной статьи: геометрия среды взаимодействует с нервной системой пользователя через бессознательные эмоции, влияя на его поведение и решения в общественных пространствах. Александер ранее охарактеризовал этот жизненный процесс: «Дело в том, что человек настолько сформирован своим окружением, что его состояние гармонии целиком зависит от его гармонии с его окружением» (Alexander, 1979: p. 106). Существуют определенные элементы дизайна для зданий, чьи фронтоны выходят на городское пространство: основную роль играет архитектурный стиль. Для того чтобы приблизиться к вызывающему положительные эмоции взаимодействию с пользователем, фасадам вокруг нужны следующие геометрические особенности:

1 Задействовать симметрию масштабов там, где разные масштабы здания соотносятся друг с другом, нарастая (характеристика фракталов). Использовать визуальные паттерны, вложенные в другие паттерны, включая фракталы, генерируемые рекурсией и клеточными автоматами (Cellular Automata⁴) (Taylor, 2021).

³ Речь идет об опыте взаимодействия воспринимающего с городским пространством.

⁴ О клеточных автоматах можно подробнее прочитать в: Салингарос Н. Алгоритмы устойчивого проектирования. 12 лекций по архитектуре. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2018. Лекция 4.

- 2 Превратить организованную сложность в «глубокую симметрию», где множество различных паттернов меньших масштабов связываются симметриями, чтобы создать когерентное целое. Согласованное наложение традиционных геометрических паттернов, таких как отражательная, поступательная и вращательная симметрии (Mehaffy and Salingaros, 2021).
- 3 Подчеркнуть вертикальную ось симметрии, потому что наше тело эволюционировало под действием гравитации и соединено с вертикалью. Избегать на зданиях крупных горизонтальных или диагональных элементов, вызывающих беспокойство. Арки допустимы, потому что они отражательно симметричны относительно вертикальной оси.
- 4 Обильно использовать цвет, интересный сам по себе в каждом случае, а также создающий масштабную цветовую гармонию. Но цвета, напоминающие о смерти (серый бетон, черные или темно-коричневые поверхности), и бесцветные поверхности, на которых глаз не может сфокусироваться (прозрачные или полупрозрачные стеклянные навесные стены, отражающий металл), являются негативными, в то время как приветливые цвета напоминают о нашей естественной среде, цветах и фруктах (насыщенные и пастельные тона, которые люди находят подпитывающими психологически) положительны.
- 5 Приветливые фасады требуют интересных (не минималистичных и не случайных) материалов, привлекающих деталей и упорядоченных артикуляций, привлекающих внимание пешехода. Промышленный модернизм уничтожил все эти факторы биофильного дизайна, присущие традиционным материалам, — но необходимые для вовлечения человека.
Минималистский подход к проектированию убирает из архитектурной среды когнитивные сигналы, необходимые человеку. Если люди попадают в такую среду, они в конечном счете доходят до эмоционального оцепенения, и это ужасно для тела. Любовь к чуждым, тревожащим пространствам и боязнь цвета, вынужденно принятые культурой и продвигаемые средствами массовой информации, подавляют, но не могут разрушить у людей врожденное чувство беспокойства. Безвкусная глобальная уни-

фикация в сочетании с безжалостным стремлением к прибыли использует проектную идеологию, которая игнорирует здоровье человека. Живя в негуманном городе, горожане теряют способность инстинктивно реагировать на окружение (Buras, 2020; Millais, 2009).

Особые качества архитектуры притягивают людей, которые подходят к объектам и наслаждаются ими с разного расстояния. Например, наша сенсорная система эволюционировала, чтобы справляться с гравитацией, и настроена на подсознательное распознавание лиц и форм с двусторонней вертикальной симметрией; отсюда, искаженные формы вызывают тревогу и физиологический дистресс. Без вертикальной оси, которая присутствует в отражательной симметрии, человек может испытывать тошноту, вызываемую механизмом среднего уха, обеспечивающего ориентацию по вертикали. Биологическая реакция тревоги от несбалансированных диагональных форм не может быть изменена, от нее нельзя отучиться. Любая ось симметрии хороша на полу, а явная или неявная вертикальная ось на фасаде или входе необходима для ощущения стабильности.

Идеологические мотивы проектирования «жестких» площадей

Правила проектирования для здания удобных и приветливых городских пространств можно найти среди исторических примеров, которые до сих пор привлекают пользователей (Buras, 2020; Salingaros, 2017). Привлекательные парки и площади всего мира наполняются людьми в течение всего дня. Александер (Alexander et al., 1977), Ян Гейл (Gehl, 1987) и Уильям Уайт (White, 1980) выполнили новаторскую работу, чтобы определить, какие городские площади фактически используются и почему. Джейн Джекобс описала пространственную сложность живого города (Jacobs, 1961). Адаптивная городская ткань проявляет себя через наблюдаемые движения и реакции человека, а не через абстрактный дизайн. Если парк или площадь окружены минималистскими фасадами, лишенными соответствующей геометрической сложности, эмоциональное притяжение отсутствует (Lavdas, Salingaros and Sussman, 2021; Ruggles, 2018; Sussman and Hollander, 2021).

Адаптивный дизайн пытается предопределить с помощью паттернов социogeометрические силы, которые здание будет генерировать, если его

построят в определенном месте. Будем надеяться, они окажутся гармоничными и не вызовут беспокойства. Начнем с того, что подчеркнем важность цвета, кривых, деталей, фракталов, растений, солнечного света, симметрии и т. д., известных вместе как «биофильные» качества и задокументированных в этом проектном паттерне (Mehaffy et al., 2020).

Новый паттерн 2.4: БИОФИЛЬНЫЙ УРБАНИЗМ. Внедряйте биофильные свойства и их элементы в городские структуры любого масштаба, вплоть до деталей, включая здания и декор.

Биофилия, соединительные сети и фрактальность характеризуют «мягкую» городскую площадь, такую как старая Ла Рамбла в Барселоне. Кусты, деревья, старомодные скамейки, фонари с их деталями, уличная мебель, соразмерная человеку, зонтики и навесы, а также киоски с декором XIX века делают ансамбль фрактальным и в высшей степени биофильным (Salingaros, 2015; Taylor, 2021). Дизайн брусьчатки разнообразен, а биофильный эффект многократно умножается выставленными на продажу цветами и фруктами. Это не просто романтическая идея или красивая туристическая картинка, а существенное улучшение качества жизни места посредством биофилии и фрактальной иерархии масштабов.

Противоположные правила проектирования последовательно реализованы в послевоенном планировании (Efroymson et al., 2009; Jalaladdini and Oktay, 2012). Все основные биофильные элементы, перечисленные выше, были уничтожены в ходе крестового похода по «модернизации» городских пространств. Идеологизированный дизайн не заботится о благополучии человека. Подкрепленный мифом о модернизации, он предписывает держать людей на расстоянии. Так люди стали пассивными потребителями чуждых городских типологий, распространяемых властью имущими. Новые городские площади, отмеченные архитектурными премиями, остаются пустыми, если не считать бездомных собак и бродяг.

Простой тротуар из плитки со строгой прямоугольной геометрией, без деревьев, киосков и размещенных на нем визуальных паттернов может быть либо откровенно пустынным, либо заполненным угрожающе-абстрактной скульптурой, жесткими и неудобными «дизайнерскими» скамейками и светильниками, выдержанными в индустриально-минималистичном духе. Такой враждеб-

ный стиль городской мебели еще сильнее снижает биофильность переживаемого нами пространства. А новые площади, задуманные как гигантские скульптурные абстракции, имеют склонность находиться в неправильных местах сети пешеходных потоков, так что структура путей⁵ не направляет пользователей в пространство и через него.

Что наиболее важно для успешности такого пространства, так это то, что барселонская Ла Рамбла «подпитывается» с обеих сторон плотной пешеходной городской тканью. «Жесткая» площадь может работать как транзитное пространство, то есть просто еще одна очень широкая пешеходная улица. Это предполагает наличие привлекательных пешеходных маршрутов по всему периметру площади, чтобы пути удобно пересекали площадь. Пьяцца Сан-Марко в Венеции относится к этой категории. Из-за своих размеров площадь Пьяцца Навона в Риме в основном является транзитным пространством, но она также включает в себя привлекательные дестинации с тремя фонтанами. Но внесение каких-либо помех в попытке сделать пространство «интересным» разрушает транзитные площади. Абстрактные скульптуры, бесполезные перепады уровня или непродуманно расположенные бассейны с водой блокируют самые заманчивые для пешеходов пути.

Почему новые площади Барселоны столь бескомпромиссно «жестки»? Вероятно, их дизайн выражал сдерживаемые чувства, высвободившиеся после окончания диктатуры Франко. Социально-политические силы испытывали в том числе и разочарование, реакцию на угнетение, стремление получить публичные площадки для выражения новой свободы и т. д. Но глубоко прочувствованное политическое негодование не должно требовать недружественной геометрии! Образ, намеренно противопоставляющий себя гораздо более «мягкой» типологии, воспринимался эмоционально, без какого-либо рационального размышления. Даже в сегодняшней полностью изменившейся социально-политической динамике никто не осмеливается модернизировать эти неиспользуемые площади, используя традиционные решения для создания более гуманной среды: люди боятся всего, что напоминает им о ненавистном прошлом.

Покончить с приоритетом автозависимого города: он постоянно искажает жизнь

Начиная с 1920-х годов город подстраивался под быстрое автомобильное движение. Вместе с вторжением легковых и грузовых машин город пожирали автозависимые городские компоненты: заправочные станции, открытые автостоянки, гаражи, автосалоны, автомойки, проходные рестораны и кафе, проходные аптеки, торговые центры, гигантские наземные парковки, окружающие большие магазины и моллы и т. д. Эти городские типологии вытесняют пешеходов, занимая огромное количество земли. Наземный транспорт создает пространство, по которому больше нельзя ходить, и устраняет тесный контакт человека с физическим городом (Egoutson et al., 2009; Jalaladdini and Oktay, 2012; Salingaros, 2006).

Невероятно, но наученные модернистами проектировщики не задумываются о том, насколько полно автомобильный транспорт заменяет собой городское пространство. Это колоссальный компромисс, изменивший жизнь на Земле и наш способ восприятия окружающей среды. Скорость размывает и дематериализует мир. Детали человеческо-

го масштаба, орнамент и структурная согласованность не воспринимаются из автомобиля, поэтому становятся неуместными. Масштаб коммерческой рекламы вырос со скромных надписей до огромных вывесок, создавая визуальную какофонию, конкурирующую за наше ментальное внимание. Наибольшее впечатление производят крупномасштабные формы и яркие сияющие конструкции, издавая привлекающие внимание во время движения.

Изменив то, как люди взаимодействуют с искусственной средой, автомобили коренным образом изменили структуру человеческого существования. Хайвеи и открытые парковки сегодня определяют морфологию городов по всему миру, заменяя городские пространства, подпитывающие наши эмоции. Перспектива подъезда к зданию на машине игнорирует то, как это здание на уровне земли встречает пешехода (обычно это не так!), и поддерживает иллюзию необходимости уродливых зданий типа небоскребов. Оценка зданий на не-человеческом⁶ расстоянии отвлекает людей, заставляя их фокусироваться на горизонте и забыть об исчезновении полезного общественного пространства.

Тем не менее некоторые коммерчески настроенные девелоперы недавно обнаружили, что люди по-прежнему предпочитают среду человеческого масштаба. Развитие малых масштабов, нацеленное на прибыли, обратило вспять десятилетия разрушения городов, диктуемое сверху⁷. Огромный успех реконструкции городских пешеходных зон, которые конкурируют с торговыми центрами, обратил вспять многолетнюю тенденцию. Будем надеяться, что города в развивающихся странах, которые готовятся снести самые милые фрагменты своей среды, соразмерной человеку (копируя мрачные ошибки планирования семидесятилетней давности), извлекут уроки из этого опыта и вместо этого будут работать над тем, чтобы сохранить эти места.

Философия проектирования должна быть радикально переориентирована, прежде чем создавать новую гуманизованную среду. Устойчивость естественным образом возникает при проектировании с использованием паттернов (Mehaffy, 2021). Такое изменение требует большой убежденности и мужества для реализации и противодействия деструктивным действиям властей, ослабляющим устойчивость. Уместна цитата из Теодора Далримпла (2021):

«Когда-то я жил в городе, мягко говоря, не славящемся своей красотой, но имевшим одну-две изящные площади и несколько роскошных зданий. Совет по реформам, естественно, уничтожил их в первую очередь и, если они не снесены начисто, то по крайней мере окончательно испорчены возведением рядом с ними огромных ужасных зданий. Подлинную элегантность испортили во имя социальной инженерии».

Две противоположные парадигмы проектирования зданий и городских сетей опираются на совершенно противоположные геометрии. Увлечение «чистой дизайном» стирает все, кроме самых крупных масштабов, которые недостаточны для создания сложной гуманной среды. Столбы, колоннады и аркады, которые индустриальный модернизм считал «геометрически нечистыми», вводят фрактальность в наименьших масштабах. Но в том-то и дело: элементы города соотносятся во всех масштабах, предпочитая масштаб человека. Без традици-

5 Здесь и далее Н. Салингарос использует слово path, очень перекликающееся с концепцией Кевина Линча, который тоже говорит о путях, понимая под ними как физически организованные места для передвижения, так и траектории перемещения человека по городу.

6 Используется термин «non-human».

7 Н. Салингарос использует распространенное выражение «top-down», под которым понимается модель (прежде всего, модернистская) городского развития, не учитывающая образа жизни или мнения горожан.

онных решений по созданию промежуточных пространств и защитных полупроницаемых границ город становится опасным и мертвящим.

С учетом доказанных данных о нарушении природного баланса опыт предостерегает нас не доверять глобалистским в своей сути проектам, стремящимся к вторжениям и страдающим мегаломанией (Salingaros, 2021). Мы можем учиться «от противного» на культовых и знаковых городских проектах, полностью уводящих нас от биологической реальности. Адаптивное использование земли в городских поселениях можно найти в стихийных строительных традициях во всем мире. Минимизация потребления энергии подтолкнула общества к строительству и поддержанию пешеходного города. Несколько авторов поддерживают эту идею — Стивен Музон описывает, как настоящая устойчивость возникает из локальности, скромных масштабов и повторного использования (Mouzon, 2010).

Однако политики продолжают соблазнять фантазия о прогрессе, демонстрируемом через индустриально-модернистские образы начала XX века. Впечатляющий «look» внешне модного, нового и блестящего побеждает в конкуренции вместо гораздо более адаптируемого, человеческого и устойчивого дизайна. То, что выглядит футуристично, индустриально и минималистично, заменяет старую (но вполне функциональную) городскую ткань, которая нуждается лишь в регулярном ремонте для того, чтобы прослужить веками. Здоровые городские компоненты, в том числе рабочие площадки, осуждаются, потому что они выглядят «старомодно», в то время как огромная экономическая мощь реализует типологии, создающие эмоционально холодные, бесчеловечные и нежизнеспособные места.

Архитектурная пресса клеймит как «отсталые» те немногие города и страны, которые пытаются отстаивать свое наследие и традиции, отдавая предпочтение человеческому масштабу, мужественно сопротивляясь разрушительному натиску глобальной строительной индустрии. Участвующие в этом архитекторы оправдывают ставший привычным идеологический выбор, сделанный в 1920-х годах (Salingaros, 2017). Сговорившиеся теоретики архитектуры приписывают воображаемую искупительную ценность футуристическим проектам и учат этому предвзвешенно впечатлительных студентов. Они игнорируют научные данные, свидетельствующие о том, что индустриально-модернистские

типологии вызывают тревогу, психологический стресс и отталкивают людей от города.

Понимание, что жизнь происходит из геометрии

Существует рынок хороших проектов и городских пространств, со-масштабных человеку. Привлекательное городское пространство незаменимо в кампусе (Neis, 2017; Salingaros, 2020b). Предлагаемые альтернативы стандартным методам проектирования требуют незначительных дополнительных финансовых вложений или вообще не требуют их. Некоторые разработчики уже знают, что они могут добиться большего успеха с хорошим (адаптивным) дизайном, а не с плохим (на основе «картинок»⁸). Это просто вопрос понимания того, что полезно для здоровья, а что «модно». В случае государственных проектов эти альтернативные методы проектирования гарантируют более гуманный результат. Политики, которые поддерживают инновационную методологию со-масштабности человеку, лучше служат интересам своих избирателей.

Реализация городских инноваций, основанных на проектных паттернах, дает большие надежды на гуманное будущее для городов мира. Теперешнюю парадигму, основанную на «картинках», можно изменить, приняв более совершенный метод, дающий практические результаты. Люди, способные продвигать изменения, привыкли строить города стандартизованным и зачастую бесчеловечным способом. Начав с жесткой идеологии, система пыталась приспособить природу человека к очень узкому представлению о мире. После десятилетий того, как эксперты говорили лицам, принимающим решения, что строительство по послевоенным промышленным типологиям было единственным способом создания городов, требуются постоянные усилия, чтобы апеллировать к исходной интуиции и здравому смыслу.

Общее публичное пространство повышает благосостояние людей, приводит к позитивным социальным

последствиям. Привлекательное общественное пространство — ключ к жизнеспособности города и здоровому социальному взаимодействию (Совет Европы, 2012). Тем не менее предшествующие документы на эту тему, как правило, упускали из виду геометрическую основу для проектирования полезного общественного пространства. Это важно, но этого недостаточно, чтобы распознать функционирующее публичное пространство, которое создает живое сердце района: без научного инструментария под рукой причины его успеха остаются неуловимыми. Тогда проектирование нового парка или площади по-прежнему остается случайным делом. А последующая реконструкция может разрушить живую структуру.

Реализация абстракций, не имеющих обратной связи с человеком, — это подход к планированию, который исключает пригодное для использования пространство города, «проектируя» в соответствии с психологически чуждой моделью (Lavdas, Salingaros and Sussman, 2021; Mehaffy, 2021; Mehaffy and Salingaros, 2015; Salingaros, 2005; Salingaros and Sussman, 2020). Связанный с ней набор методов проектирования, основанных на отраслевых приоритетах, полезных для строительной индустрии, но враждебных пользователям, уже институционализирован. Этот набор инструментов неадаптивного дизайна определяет учебную программу по проектированию городов. Планировочные законы, принятые после Второй мировой войны, препятствуют или юридически запрещают создание в городе общественных пространств человеческого масштаба.

Представители коммерции и чиновники разрабатывают законы по сокращению общественного пространства, их мотивы различны (Agbo, 2020; Goldstein, 2017; Mela, 2014; Zaprianov, 2012). Парки и открытые пространства разбирают под частную застройку; или правительство делает то же самое, чтобы контролировать и исключать скопления людей. Особый интерес состоит в извлечении выгоды от приватизации общественного пространства, благодаря которой люди вовлекаются в потребление. Тактика заключается в том, чтобы строить частные коммерческие пространства, разрушая при этом общественное пространство. И вот исторические пространства стираются, в то время как новые части города — или даже целые новые города — намеренно планируются так, чтобы вообще не содержать общественных пространств.

⁸ Архитектурой на основе изображений («картинок») Н. Салингарос называет проекты, ставящие целью некоторую выразительность на странице каталога или альбома. Они проектируются с расчетом на визуальный эффект, прежде всего, у инвесторов или политиков, и далеко не всегда учитывают исходные особенности реального участка, способного подсказать адаптивное решение, равно как не осмысливают структуру объекта (см.: Салингарос Н. Анти-архитектура и деконструкция. Триумф нигилизма. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. Часть 8).

Заключение

Создание привлекательных общественных пространств в наших городах реализует правила, уже зафиксированные в двух книгах по проектным паттернам: «Язык паттернов» (Alexander et al., 1977) и «Новый язык паттернов для растущих регионов» (Mehaffy et al., 2020). В этом тексте показано, как применять паттерны проектирования, комбинируя их, дана необходимая информация для понимания того, как и почему они работают. Несмотря на то, что архитектурная и планировочная культура⁹ отвергает такие проектные инструменты как «старомодные», недавние результаты, полученные нейробиологами, полностью их подтверждают (при этом отвергая устоявшиеся правила проектирования и планирования, которые опустошили общественные пространства).

Открытые пространства в живом городе, — а не просто какая-то изолированная площадь — должны подчиняться определенным правилам. У нас есть знания, чтобы создать удивительно гуманную среду обитания, как только большинство игроков поймут ее преимущества. Силы, формирующие город, должны генерировать со-масштабность человеку, отказываясь от дизайнерских предрассудков, создававших бесчеловечные города. Судя только по рендеру о том, насколько «картинен» проект, игнорируя реальные последствия для человеческой жизни, общество заблуждалось. Реализация чудовищных идей происходит отчасти ради экономической выгоды правящей элиты, отчасти из патерналистских благих намерений, расходящихся с научными.

Три цели ведут к тому, чтобы города лучше адаптировались к человеческим чувствам и к использованию:

- 1 Исследования: Научные аргументы лежат в основе формы здорового города и городских процессов. Большая часть этой информации легко доступна, даже если профессия ее игнорирует.
- 2 Образование: Учиться на очевидностях и фактах, защищать знания о проектировании от идеологии и особых интересов, связанных с коррупцией, жадностью и инерцией.
- 3 Применение: Убедить тех, кто принимает решения, строить города человеческого масштаба и сопротивляться моде или бездумному копированию устаревших моделей.

Во всех недавних примерах успешной реализации этой программы используются традиционные проектные типологии. Такие коммерческие проекты, как оказалось, приносят большую прибыль их инвесторам. Лучшие проекты созданы разработчиками малых масштабов. Традиционные архитектурные формы задействованы в них вместе с городскими кодами, извлеченными из живой ткани старого города. Преодолев исходное нежелание чиновников на выдачу разрешений, проектировщики реализовали свои инновации. Сопротивление шло прежде всего от архитектурных академий, предпринявших отчаянную попытку дискредитации неотрадиционного девелопмента.

Всякий раз, когда большие деньги и власть подпитывают спекулятивные объекты, формы города подчиняются абстрактным образам. Распознавание этих сил и их перенаправление в сторону более адаптивной и здоровой застройки — вопрос жизни и смерти наших городов. Большая часть урбанистов следует упрощенной и ненаучной концепции землепользования, которую определяют схематичные утопические представления о том, как должны жить другие люди. Такие города нежизнеспособны

⁹ Слово «культура» употребляется в данном тексте, как и в других текстах схожей тематики, в значении «профессиональное сообщество», «профессиональная сфера».

и представляют собой бомбы замедленного действия, которые станут непригодными к употреблению, потому что ими слишком дорого управлять.

Список использованной литературы

— Список упоминаемых автором источников находится в оригинальной версии статьи здесь: Salingeros N. A. Rules for Urban Space: Design Patterns Create the Human Scale // J. of Urban Research and Development. — 2021. — № 2. — P. 4–16. По согласованию с Н. А. Салингаросом мы не приводим их, чтобы не увеличивать объем публикации.

— Ссылки на исходные тексты книг «Язык паттернов» (англ. яз.): https://pattern-language.wiki/.../Table_of_Contents_%28NPL%29; «Новый язык паттернов» (нем. яз.): https://pattern-language.wiki/.../Übersicht_der_Muster-Sprache.

Статья поступила в редакцию 09.11.2022.

Опубликована 30.03.2023.

Salingeros Nikos A.

Professor of Mathematics and Architecture, The University of Texas at San Antonio, San Antonio, USA
ORCID ID: 0000-0002-8856-9175

Bystrova Tatyana Yu.

(translation of the article)
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU), Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: taby27@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-6713-6867